

Труд - 1989 - Завт. - с. 6

Взгляд сквозь годы

ПЕРОМ И БОМБОЙ

В Советский фонд культуры поступил литературный архив Бориса Савинкова. Это имя известно многим, хотя для кого-то оно прочно связано лишь с антибольшевистской организацией «Союз защиты родины и свободы», с мятежом в Ярославле. Но биография Савинкова сложна, противоречива, содержит и пока малоизвестные страницы...

Б. САВИНКОВ был и литератором. Эта «мирская» слабость сделала его надежным свидетелем событий, в которых он сам играл не последние роли. Почти все его книги автобиографичны. Прочитайте, например, такой вот отрывок из его романа «Конь бледный», переданного в Фонд культуры вместе с 68 листами стихов, статьями, еще четырьмя повестями и романами, собственноручно по два—четыре раза переписанными автором мелким, ровненьким почерком:

«Генерал-губернатор живет у себя во дворце. Кругом шпионы и часовые. Двойная ограда штыков и нескромных взглядов. Нас немного: пять человек. Федор, Ваня и извозчики. Они непрерывно следят за ним и сообщают мне свои наблюдения. Эрна химик. Она приготовит снаряды.

У себя за столом я по плану черчу пути...

Я его видел сегодня. Я ждал его на Тверской. Я долго бродил по замерзшему тротуару. Падал вечер, был сильный мороз. Я уже потерял надежду. Вдруг на углу пристав махнул перчаткой. Городовые вытянулись во фронт, сыщики заметались. Улица замерла.

Мимо мчалась карета. Черные кони. Кучер с рыжей бородой. Ручка дверец изгибом, желтые спицы колес. Следом сани — охрана.

В быстром беге я едва различил его. Он не увидел меня: я был улицей для него.

Счастливый, я медленно вернулся домой...

Когда я думаю о нем, у меня нет ни ненависти, ни злобы. У меня нет и жалости. Я равнодушен к нему. Я знаю: его необходимо убить. Необходимо для террора и революции».

Автора этого отрывка вряд ли можно упрекнуть в неглубоком знании выбранной им темы. Под псевдонимом В. Ропшин печатался в начале века Борис Викторович Савинков — организатор целого ряда террористических актов.

В наши дни журнал «Юность» публикует роман Савинкова «Конь вороной». В ближайшее время мы сможем познакомиться и с другими его произведениями, — еще несколько лет назад это показалось бы невероятным. В это не могла поверить и Татьяна Николаевна Савинкова. К ней в Прагу приехала экспедиция, организованная Советским фондом культуры и журналом «Наше наследие».

Татьяна Николаевна — вдова племянника Б. Савинкова. Весь архив — рукописи романов, пьес, повестей, стихи и письма из тюрьмы — перешел к ее семье после смерти сестры Б. Савинкова Веры Мягковой.

Большая часть архива, в том числе и документы, относящиеся к деятельности «Союза защиты родины и свободы», хранились у сына Савинкова — Льва Борисовича. Он умер несколько лет назад в Париже. Вскоре в автомобильной катастрофе погибла его дочь. Судьба архива неизвестна...

Б. Савинков — человек неординарной судьбы. На первом же курсе Петроградского университета его арестовали по политическому делу. Через некоторое время он был вторично арестован и выслан в Вологду. Бежав из ссылки, примкнул к организации социалистов-революционеров.

После убийства Плеве 15 июля 1904 года его усердно искала охрана и жандармы, пока в 1906 году его не выдал в Севастополе провокатор. Савинкова судили военно-полевым судом и приговорили к повешению. Но за несколько дней до казни караульный начальник устроил ему побег. Савинков на лодке ушел по морю в Румынию, а оттуда в Париж, откуда и вернулся на родину. В 1911 году снова уехал и до февраля 1917 года писал в эмиграции. В это время написаны многие его книги.

Нам еще предстоит без хрестоматийного глянца во многом, по-новому взглянуть на историю русской революционной эмиграции, в том числе и не большевистской. Думается, ценным материалом к такому исследованию станет литературное наследие Б. Савинкова.

«За границей Андрей Болотов испытывает ту же тревогу, какую испытывает каждый ревнивый хозяин, доверяя в чужие руки свое хозяйство. Хотя из писем приказчика хозяин уверенно знает, что хозяйство идет хорошо, ему все-таки кажется, что на его хозяйских глазах оно пойдет еще лучше, разбросанная по всей России, Партия, со своими динамитными мастерскими и тайными типографиями, боевыми дружинами, областными и губернскими комитетами, со своими крестьянскими братами, рабочими группами, студенческими круж-

ками, офицерскими и солдатскими союзами, со своими удачами, поражениями, стачками, демонстрациями, интригами и арестами, казалась ему его большим и сложным хозяйством, требующим всегда прилежного глаза... Он не мог бы перестать чувствовать то, что единственно давало ему силы работать и жить в революции, то есть работать и жить всегда начеку, без семьи, без угла, без имени и, так работая и живя, безбоязненно ожидать тюрьмы или смерти», — так начинается одна из рукописей, переданных в Фонд культуры.

Многие фонды Савинкова, кстати, вызвали в кругах эсеров возмущение. Он показывал правду подполья, часто оторванного от народа, но самоуверенного и самовлюбленного.

После февральской революции Б. Савинков занял пост комиссара Временного правительства. Он боролся с большевистским влиянием в армии, с «пораженческими» настроениями. Савинков был помощником Корнилова.

После Октября Савинков встал на путь активной борьбы с большевиками. Он активно участвовал в мятеже Керенского — Краснова в 1917 году, входил в антисоветский «Гражданский совет», образованный на Дону генералом Алексеевым... В феврале—марте 1918-го он создал в Москве подпольный контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы». В 1919 настойчиво вел за границей переговоры с правительствами Антанты о помощи белым войскам, не жалел сил в подготовке антисоветских военных отрядов. В 1921—1923 руководил шпионско-диверсионной деятельностью против СССР. Арестован 16 августа 1924 года после нелегального перехода советской границы...

В архиве, переданном Татьяной Николаевной, есть уникальный сборник статей Б. Савинкова, изданный в Варшаве в 1920 году, в то время, когда он готовился к вооруженной борьбе с Советской Россией. Знаменитый террорист с нескрываемым пристрастием и озлоблением писал:

«Чтобы глубокий социальный и политический смысл русской революции, затемненный ныне тиранией большевиков и безумием реакционных элементов, вскрылся с исчерпывающей полнотой и воплотился, наконец, в жизнь, необходимо, во-первых, с оружием в руках свергнуть Советскую власть и, во-вторых, обуздать реакционные вождедения».

Но есть в пражском архиве и другой документ — рукопись исповеди Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть», написанной в тюрьме:

«Я боролся с большевиками с октября 1917 года. Исчерпав все средства борьбы, я понял, что побежден. Я признал Советскую власть, которая выдержала блокаду, гражданскую войну и поволжский голод. Это — жизнеспособная и крепкая власть».

Все мы знаем, что эмиграция — болото. Для «низов» — болото горя и нищеты, для «верхов» — болото праздности, честолюбия и ребяческой веры, что Россию нужно спасать. Россия уже спасена. Ее спасли рабочие и крестьяне, спасли своей сознательностью, своим трудом, своей готовностью к жертвам.

Многое для меня было ясно еще за границей. Но только здесь, в России, убедившись собственными глазами, я окончательно отрешился от своего заблуждения. И я знаю, что я не один. Признал Советскую власть. Но я сказал об этом вслух, а другие молчат. Я зову их нарушить молчание. Ошибки были тяжкие, но невольные, ибо слишком сильная буря свистит в Рокком, во всей Европе. Минует год или два, или десять лет, и те, кто сохранил «душу живую», все равно пойдут по намеченному пути, пойдут и доверятся русскому трудовому народу».

Велика дистанция между этими двумя документами. Будем надеяться, станут известны новые свидетельства, прозрения тех, кто верил в будущее России.

Да, мы знаем, что Савинков был непримиримым врагом Советской власти, в борьбе против нее не брезговал ничем. Но и тогда, когда приговор о расстреле был заменен ему заключением на 10 лет, была проявлена к нему гуманность. Позже он сам назвал себя самоубийством...

Сегодня ценны любые материалы, относящиеся к истории революции. И даже если это взгляды наших противников, мы не имеем права их не знать.

И. СМЕРНОВА

145